

Вадим Анатольевич Тураев¹ (v_turaev@mail.ru)

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В XVII ВЕКЕ

Статья посвящена характеристике российско-китайского пограничья в том виде, в котором оно сформировалось в XVII в. в результате походов В. Пояркова, Е. Хабарова и О. Степанова. Рассматриваются особенности вхождения территории в состав российского государства, её хозяйственного освоения на разных этапах русского присутствия, взаимоотношения казаков с местным населением и маньчжурским государством. Показаны причины поражения казачьих отрядов в противостоянии с маньчжурами. При характеристике коренного населения региона анализируются его этнический состав и миграционные процессы, особенности этнической истории. Особое внимание уделяется при этом основным этническим группам — даурам и дючерам. Критически оцениваются гипотезы, сложившиеся в отечественной литературе относительно происхождения и этнической идентичности рассматриваемых народов. Исходя из особенностей пограничного размежевания между Россией и Китаем по итогам Нерчинского договора 1689 г., пространство, разделяющее два государства, рассматривается не как приграничная территория, а как буферная зона, в которой ни та, ни другая сторона старалась не проявлять особой активности.

Ключевые слова: Приамурье, Россия и империя Цин, Нерчинский договор 1689 г., дауры, дючеры.

Vadim A. Turaev¹ (v_turaev@mail.ru)

RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND IN THE 17th CENTURY

The article is devoted to the characterization of the Russian-Chinese borderland in the form in which it was formed in the 17th century as a result of the campaigns of V. Poyarkov, E. Khabarov and O. Stepanov. The features of the entry of this territory into the Russian state, its economic development at various stages of the Russian presence, the relationship of the Cossacks with the local population and the Manchu state are considered. The reasons for the defeat of Cossack units in the confrontation with the Manchus are shown. When characterizing the indigenous population of the region, its ethnic composition and migration processes, especially ethnogenesis and ethnic histories of the main population

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

groups are analyzed. Particular attention is paid to the main ethnic groups — daurs and duchers. The hypotheses that have developed in Russian literature regarding the origin and ethnic nature of the peoples under consideration are critically evaluated. Based on the characteristics of the border demarcation between Russia and China following the results of the Nerchinsk Treaty of 1689, the space separating the two states is not considered as a border territory, but a buffer zone in which neither side tried to be particularly active.

Keywords: Amur Region, Russia and the Qing Empire, the Treaty of Nerchinsk in 1689, daurs, duchers.

Толковые словари русского языка определяют пограничье как территорию перед границей, разделяющей государства. Российско-китайское пограничье на Дальнем Востоке возникло задолго до того, как между нашими странами была установлена официальная граница. К моменту прихода русских в Приамурье функции пограничной линии выполняла полузависимая территория — земля «цзими», на которой маньчжурское государство, говоря современным языком, осуществляло ограниченный суверенитет — облагало данью часть жителей, использовало другие формы принуждения. В состав Цинской империи земли «цзими» не входили, они были призваны оградить её территорию от внешнего мира.

После включения Приамурья в состав Российского государства в середине XVII в. «граница-территория» приобрела новое качество: она превратилась в буферную зону, ставшую объектом интереса двух государств. Она включала в себя левобережье Амура и отдельные районы на его правом берегу — устья Сунгари и Уссури, территорию Кумарского острога. Упрочение власти русской администрации на этой территории стало восприниматься цинским правительством как реальная угроза собственно имперским землям и побудило его, с одной стороны, прибегнуть к прямой военной агрессии против Российского государства, а с другой — приступить к официальному административному оформлению своей северо-восточной границы. В 1678 г. началось создание линии пограничных укреплений, известной как Ивовый палисад. Выезд за его пределы означал выезд за границу. Он располагался более чем в 800 км к югу от Амура.

Содержательная сторона российско-китайского пограничья мало изменилась и после Нерчинского договора. Граница в современном её понимании была установлена только в Забайкалье по Аргуни и Горбице (Амазару). В Приамурье демаркация границы не проводилась, соответственно, линии границы не было, продолжала существовать «граница-территория», «граница-буфер», размеры которой, однако, сильно выросли. Теперь буферная зона распространялась до Станового хребта, но ни та, ни другая сторона не проявляли здесь активности. В целом и до Нерчинского договора, и после него российско-китайское пограничье представляло собой обширную буферную зону, что не могло не сказаться на её социально-экономическом и этнокультурном развитии.

Пограничье как объект исследований предполагает разные подходы к его изучению. Цель настоящей статьи — охарактеризовать российско-китайское пограничье XVII в. в рамках культурно-антропологического подхода, который рассматривает пограничную территорию как место столкновения и сосуществования различных этнических групп, их культур и языков.

Начало реальному проникновению русских в бассейн Амура было положено известными походами В. Пояркова (1643—1646) и Е. Хабарова (1649—1653). Якутским воеводой П. Головиным Пояркову предписывалось идти на «Зею и на Шилку реку для государева ясачного сбора и для прииску вновь неясашных людей» [11, с. 50]. Выполнить эти задачи Поярков не сумел. Основать остроги на Зее и Шилке и тем самым «укрепитца всякими крепостьми» на новых землях ему не удалось, местные народы не были приведены в российское подданство. Неопытность руководителя похода и связанные с этим трагические обстоятельства, когда от голода погибла почти половина отряда, привели к тому, что у местного населения сформировалось резко отрицательное отношение к русскому присутствию. Выжившие участники похода в челобитной якутскому воеводе Головину писали об этом так: «Слава прошла по всем ордам и землям, что русские люди мёртвых едят. <...> Василья (Пояркова. — В.Т.) с достальными служилыми людьми тамошние иноземцы к берегу не припущали, а называли их погаными людоеды» [11, с. 58—59]. Главным результатом похода Пояркова было то, что ранее полученные сведения о богатствах нового края обрели реальные основания: «Те землицы людны и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и те реки рыбны» [11, с. 56]. Ценные и в целом достоверные сведения о населении, его хозяйственных занятиях, политической обстановке, собранные участниками похода, открывали перспективы для дальнейшего освоения территории.

Решить эту задачу был призван поход Е. Хабарова, задуманный вначале как частное предприятие, но которому в конечном счёте был придан государственный характер. Поход сопровождался бесчинствами Хабарова не только по отношению к местному населению, но и к своим собственным казакам. По этой причине в 1653 г. он был отстранён от руководства отрядом, ему было запрещено возвращаться на Амур. Вместо него приказным человеком на Амуре был назначен Онуфрий Степанов. Принято считать, что деятельность Хабарова и Степанова и положила начало присоединению Приамурья к Российскому государству, хозяйственному освоению долины Амура от слияния Аргуни и Шилки до устья, а также низовьев Сунгари и Уссури [9, с. 581; 6, с. 30; 2, с. 25].

С утверждением о присоединении Приамурья к России в XVII в. (официальное его включение в состав Российского государства произошло в 1653 г., когда на Амур прибыл из Москвы с воеводскими полномочиями Д.И. Зиновьев) вряд ли можно спорить. Главным показателем признания русской власти со стороны местного населения было его согласие платить ясак. К 1655 г. в Приамурье было объясачено, т.е. приведено в русское подданство, более 30 тыс. чел. В ясачных книгах значились представители

практически всех амурских народов [10, с. 138—142]. Можно, конечно, сомневаться в степени добровольности этого признания, но такое сомнение в равной степени относится и ко всему процессу присоединения Сибири к Российскому государству. Что же касается хозяйственного освоения территории, то в рассматриваемый период его просто не могло быть. Прежде всего, к этому не стремился сам Е. Хабаров. Выданные ему в Якутске для заведения на Амуре пашни косы, серпы и «уклад и железа» руководителю похода были не нужны, и он продал их с большой выгодой для себя. В поисках «личных прибытков» он непрерывно перемещался по Амуру, что само по себе не могло способствовать освоению территории. Во многом нежеланием Хабарова заниматься хозяйственными вопросами был обусловлен и его конфликт с казаками, многие из которых, в отличие от их руководителя, стремились к оседлости, к занятиям хлебопашеством или промыслом.

Хозяйственное развитие территории было невозможно и в силу других причин. Все 10 лет присутствия казаков Хабарова и Степанова на Амуре — это бесконечная цепь военных столкновений с местным населением, которое к тому же активно поддерживало правительство Цинского Китая, многомесячные сидения в осаждённых острогах, бесчисленные метания по Амуру и Сунгари в поисках хлеба и места зимовки. В таких условиях было не до хозяйственного обустройства территории. Разгром отряда Степанова в 1658 г. маньчжурскими войсками подвёл окончательную черту под первым неудачным для русских этапом освоения Приамурья [4, с. 131].

Реальное хозяйственное освоение Приамурья начинается в середине 60-х гг. XVII в., когда на верхний Амур после убийства илимского воеводы Л. Обухова, грабившего и притеснявшего крестьян, служилых и промышленных людей, бежала группа казаков во главе с Никифором Черниговским. Беглецы на месте одного из даурских городищ выстроили Албазинский острог, завели пашню и начали собирать с местных тунгусов ясак, который отправляли через Нерчинск в Москву. Возникла своеобразная казацкая республика, управлявшаяся выборными приказчиками, поддерживавшая отношения с нерчинскими воеводами, а фактически никому не подчинявшаяся.

Заслуги казаков в деле приведения в русское подданство местного населения не остались незамеченными. Черниговский и другие «бунтовщики», в 1675 г. заочно приговорённые к смертной казни, были прощены, Албазинский «воровской» острог стал государственным, в 1682 г. было принято решение об образовании отдельного Албазинского уезда (воеводства). К этому времени территория, осваиваемая албазинцами, простиралась по Амуру до устья Буреи. В поисках соболиных угодий казаки начали проникать на левые притоки Амура — Зею и Амгунь. Ясачные зимовья появились в верховьях Зеи, на Гилюе, в верховьях Селемджи. В 1682 г. было основано самое отдалённое от Албазина русское зимовье на Амгуни — Дукинское.

На верхнем и среднем Амуре началось развитие русского земледелия, возникли крестьянские заимки, деревни и слободы: Удинская, Амурская, Панова, Андрюшкина, Игнашина, Погадаева, Покровская, Ильинская,

Шингалова и др. К 1685 г. «государева пашня» составляла в Албазине более 50 десятин. Более 1000 десятин занимали крестьянские и казачьи пашни, а также «присевки всякого чину людей», что позволило местным жителям полностью обеспечивать себя хлебом, а излишки отправлять в Нерчинск [16, с. 105]. В перспективе амурское земледелие могло бы разрешить проблему обеспечения хлебом всего Дальнего Востока.

Успехи русской колонизации Приамурья в 70—80-е гг. XVII в., крестьянское заселение края, переход в российское подданство отдельных групп коренного населения серьёзно обеспокоили цинское правительство. Оно начинает наращивание своего присутствия в регионе, приготовления к будущим военным действиям. В Айгуне — главном опорном пункте маньчжуров в Приамурье — учреждается постоянный воинский гарнизон, ведётся строительство речных судов, заготовка провианта. Осенью 1682 г. крупный воинский отряд с целью разведки подошёл к Албазинскому острогу, началось вытеснение русских с Зеи, Селемджи и Амгуни. Летом 1682 г. казаки вынуждены были покинуть Долонский (Зейский) острог, осенью 1683 г. — Селенбинский, в феврале 1684 г. — Верхнезейский, в июле того же года было осаждено Дукинское зимовье, уничтожен Тугурский острожек, летом 1685 г. началась осада Албазина [4, с. 147; 18, с. 109]. Албазинцы под руководством воеводы А.Л. Толбузина оказали упорное сопротивление, но вынуждены были отступить. Покинули разорённый Албазин и маньчжуры. В августе 1685 г. русские вернулись на албазинское пепелище и приступили к строительству нового острога. К лету 1686 г. оно было завершено, а уже в июле маньчжуры вновь осадили Албазин. Новое противостояние продолжалось с перерывами до августа 1689 г., когда начались русско-маньчжурские переговоры о мире. 29 августа 1689 г. в Нерчинске был подписан русско-китайский договор, по которому Албазинский острог оказывался за пределами русской территории и подлежал уничтожению, а его жители переселению.

Таковы в общих чертах первые попытки русских закрепиться в Приамурье. Их неудача была обусловлена разными причинами. Безусловно, сказалось многократное численное превосходство маньчжурских войск над казачьими отрядами. Но дело не только в этом.

Колонизация любой территории — процесс творческий. В особенности это касается взаимоотношений с местным населением, но именно такого подхода и не было. Взаимодействие с народами Приамурья повторяло модель, сложившуюся у казаков на просторах Сибири. Между тем население Приамурья существенно отличалось. Этнополитическую ситуацию в регионе определяли оседлые народы с производящим хозяйством — дауры и дючеры. В таком хозяйстве внутриэтнические связи гораздо прочнее, чем в кочевых и присваивающих сообществах, выше степень консолидации, надёжнее информационные связи.

У аборигенов Сибири не было традиций государственности — в Приамурье такая традиция была. Предками приамурских народов были знаменитые мохэ, чжурчжэни и кидани, создавшие могущественные средне-

вековые государства, с которыми народы Приамурья связывала не только историческая память, но и политические традиции, религия, обычаи, технологии. Появление русских оказалось для амурских народов серьёзным потрясением: приходилось выбирать, с кем связывать свою дальнейшую судьбу. Решающее значение в этом выборе играла как раз историческая память. Зависимость от маньчжуров, таких же наследников средневековой государственности, не воспринималась как иноземное господство, тем более что их администрации на Амуре не было. Эту особенность интуитивно улавливали и казаки. Ясак, который платился маньчжурам, рассматривался не как показатель принадлежности к цинскому государству, а как вариант сословной зависимости, столь же распространённой и в казачьей среде. В таких условиях превратить в союзников местные народы было очень непросто, да казаки и не стремились к этому.

Сложнее выстраивались отношения дауров с маньчжурами. Часть князцов не признавала их политического господства. Известны, в частности, конфликтные отношения с маньчжурами князца Бомбогора, которого поддерживали и некоторые другие даурские группы [25, с. 52]. Однако к моменту появления в Приамурье русских большинство даурских князцов признали свою зависимость от цинского государства.

Среди других народов, с которыми русские столкнулись в Приамурье, были отдельные группы тунгусов, натки (предки современных нанайцев и ульчей) и гиляки (нивхи). Никто из них не имел собственных политических объединений, но почти все, хотя и в разной степени, были объектом политической активности набравшего силу маньчжурского государства. Натки и гиляки вели присваивающее хозяйство и воспринимались казаками лишь как плательщики ясака. Казаки предпочитали зимовать на их территории: опасность подвергнуться нападению в этом случае была меньшей.

При определении этнического состава территории казаки пользовались единственно доступной для них характеристикой — языковой принадлежностью. Иногда этот признак достаточно точно отражал этническую ситуацию; если же встречались народы, говорящие на близких языках, то провести между ними границу было далеко не просто. Так, например, среди языков Приамурья казаки Пояркова не упоминали даурского, зато называли братский. Братами, «братскими людьми», русские именовали монголоязычных бурят. Столкнувшись с монгольским языком в Приамурье, казаки стали называть его братским, а говорящих на нём дауров — «братскими людьми».

С другой стороны, в качестве разных языков упоминаются дючерский и шингальский. Шингалом в XVII в. называлась р. Сунгари, жители которой в массе своей были маньчжурами, соответственно, шингальский язык — это маньчжурский. То, что казаки отличали его от дючерского, может означать, что при всей их схожести носители этих языков воспринимались разными этническими группами. То же самое можно сказать о дючерах и натках, говоривших, по представлениям казаков, на очень близких или даже одинаковых языках. Между тем натский (нанайский) язык в числе пяти основных языков Приамурья поярковцы называли наряду с дючерским.

По мере того как русские ближе знакомились с местным населением, их представления о его этническом составе менялись. Расспросные речи Пояркова и Хабарова в этом отношении особенно показательны. Поярков жителей Сунгари (Шингала) называл по имени этой реки — шингалами. Хабаров определяет их как дючеров. Поярков всех жителей Амура от устья Зеи до Сунгари называл дючерами, Хабаров на этой же территории часть жителей относил к гогулям.

Различия в оценке этнической принадлежности местных жителей во многом обусловлены чрезвычайно кратким периодом общения с ними русских. Дауров, дючеров, гогулей, пашенных тунгусов не стало на Амуре уже в 50-е гг. XVII в. Считается, что их насильственно переселили в Маньчжурию цинские власти. Между тем это переселение не было таким уж насильственным. Люди, доведённые казаками до отчаяния, бежали туда вполне добровольно, испросив на то разрешение у маньчжурских властей [24, с. 75].

Проблемы в отношениях с местным населением особенно обострились во время похода Хабарова. Русское влияние на Амуре казаки распространяли весьма сомнительными средствами. Вот всего лишь одно из собственных признаний Хабарова: «Плыли семь дней от Шингалу дючерами, все улусы большие юрт по семидесяти, осьмидесят, и тут все живут дючеры и мы их в пень рубили, а жён их и детей имали и скот» [11, с. 364]. Подобное отношение не могло не вынудить дючеров искать защиту у своих соседей — маньчжуров, бывших к тому же и родственниками. В частности, знаменитая осада Кумарского острога в марте 1655 г. была осуществлена маньчжурами по просьбе местного населения, которое таким образом пыталось избавиться от непрошенных гостей. Дауры, дючеры и «иных многих розных земель» люди входили в состав войска, осаждавшего острог [3, с. 97; 15, с. 134—140].

Раньше всего русские познакомились с даурами, о которых узнали ещё в 1639—1641 гг. от енисейских казаков после их походов по Витиму и Алдану. Первая встреча с ними у Пояркова произошла в устье притока Зеи Умлекана. Это был небольшой (15 мужчин, не считая женщин и детей) даурский род Доптыула — самое северное даурское поселение на Зее.

В долине Зеи дауры жили, начиная с устья Умлекана, по Амуру — от устья Урки до Айгуна. На Зее они частично были смешаны с так называемыми скотно-пашенными тунгусами. Да и сами зейские дауры, судя по именам и родовому составу некоторой их части, представляли собой одаурившихся тунгусов, перешедших к земледелию и скотоводству. Их наименования звучат как названия тунгусских родов — Баягиры, Шамагиры, Дулгары и др. Численность дауров Б.О. Долгих определял в 9,9 тыс. чел., скотно-пашенных тунгусов — в 1,2 тыс. [9, с. 580]. Амурские дауры состояли из пяти территориальных групп, зейские — из шести. В русских источниках они известны по именам своих руководителей (дауры Лавкая, Досаула, Балдачи, Доптыула и др.), которых казаки называли обычно князцами. В сообщениях казаков не упоминается об имущественном неравенстве дауров.

Все князцы дауров были просто родовыми старейшинами, что даёт основание говорить о значительной роли в даурском обществе родовых связей.

Основу даурского хозяйства составляло земледелие и скотоводство. Дауры выращивали зерновые и бобовые культуры, овощи. Агротехника даурского земледелия напоминала маньчжурскую: посевы осуществлялись на грядках, обработку посевов дауры вели на лошадях [19, с. 33]. Занятие земледелием отразилось на их этнониме: «даур» означает «пахарь». Так называли дауров их соседи — забайкальские тунгусы-солоны. Производительность даурского земледелия оценивалась достаточно высоко. Якутский воевода Д.А. Францбеков писал в Москву: «На великой реке Амур можно хлеба взять у даурских людей хоть на 20 тыс. человек» [1, с. 76].

Взаимоотношения казаков с даурами не сложились с самого начала. Конфликты начались уже во время похода Пояркова, что же касается Хабарова, то его контакты с даурами, вопреки инструкции призывать в русское подданство «не боем, а ласкою», отличались особой жестокостью и безрассудством. В результате казаков встречали либо пустые даурские городки, жители которых в страхе бежали в тайгу, либо отчаянное сопротивление, в ходе которого уничтожалось большинство жителей. Логическим завершением этих взаимоотношений стало переселение дауров к 1656 г. на р. Нонни (Нэньцзян) в северной Маньчжурии.

Другая сопоставимая по численности с даурами этническая группа — дючеры — насчитывала 10,6 тыс. чел. По основному руслу Амура их территория доходила до устья Анюя, они жили также в низовьях Сунгари и Уссури. По данным Онуфрия Степанова, у них имелось 76 поселений, в том числе на Амуре — 47, на Сунгари — 21 и на Уссури — 8. Названия некоторых из них созвучны с названиями амурских селений XIX—XX вв.

Ранняя этническая история дючеров не имеет однозначной трактовки [7, с. 168]. Под этим названием с разной степенью вероятности подразумевают амурских чжурчжэней, которых маньчжуры называли «зурчэн»; эвенков в бассейне реки Зеи, известных соседям как «деючен», «деючер»; этническую группу, которая предположительно могла войти в состав нанайцев.

А. Бурякин предполагал, что наименование «дючеры», услышанное казаками от эвенков, вообще не является этнонимом, а представляет собой социальный определитель (соционим) — название социальной группы, используемое для её идентификации. В данном случае — воинских караулов на Амуре, в состав которых могли входить представители разных народов [8]. Столь оригинальная точка зрения, однако, не может рассматриваться всерьёз. Сомнительно, чтобы казаки не видели различия между понятиями «народ» и «воинский караул». Во всех известных сообщениях речь о дючерах идёт именно как об этнической группе.

Принципиальных отличий между дючерами и чжурчжэнями современные исследователи не видят. Убедительные свидетельства на этот счёт приводят археологи. Дючерская археологическая культура хронологически выделяется на среднем Амуре со второй половины XIII в. До этого здесь

существовала культура амурских чжурчжэней. Провести грань между их культурами, по мнению археологов, невозможно. Различия носят исключительно временной характер [7, с. 154—172]. На этом основании дючеров XVII в. рассматривают как прямых потомков амурских чжурчжэней XII в. Преемственность прослеживается и в этнонимах. Дючеры — это монгольский вариант названия чжурчжэней, от монголоязычных дауров его и услышали впервые русские.

Нет сомнений у современных исследователей и об этническом единстве дючеров с маньчжурами. Их общими предками были чжурчжэни, которые стали именоваться маньчжурами с 1636 г., после соответствующего указа императора Хунтайцзи [20, с. 263]. Замена наименования «чжурчжэни» на «маньчжуры», по мнению А. Бурькина, не влекла за собой ни смены этноса, ни смены языка, ни изменений в языке под воздействием межэтнических контактов, поскольку чжурчжэньский и маньчжурский языки — это одна и та же языковая формация [8]. Маньчжурами считали дючеров Л.И. Шренк [26, с. 151], А.М. Золоторёв [12, с. 34], А.В. Смоляк [22, с. 17] и другие исследователи. Такую точку зрения можно считать общепринятой.

Как уже говорилось выше, одну из групп дючеров, соприкасавшихся с даурами, Е.П. Хабаров называл гогулями. Они жили по Амуру от Айгуна до Малого Хингана, откуда начиналась территория собственно дючеров. Часть гогулей во время похода Пояркова жила в нижнем течении Зеи (волость Гогули). У них было 120 поселений (улусов), численность достигала 5600 чел. Тесное соседство с даурами отразилось на особенностях языка и культуры гогулей, что позволяло рассматривать их как монголоязычную группу и на этом основании относить к даурам [25]. В.А. Туголуков считал гогулей эвенками, потерявшими оленей и превратившимися в результате этнического взаимодействия в этнографическую группу дючеров [23, с. 133, 141]. Б.П. Полевой гогулей объединял с «верхнеамурскими гольдами-нанайцами» [21, с. 53]. Для аргументации своей точки зрения он ссылался на Н.А. Липскую, которая писала, что этноним «гольды» иногда произносится как «гогды», «голды» и означает «живущие вверх по реке» [17, с. 251]. Такая характеристика действительно применима к гогулям, которые были самыми верхними жителями среди дючеров. По-нанайски словосочетание «верхний народ» звучит как «гог-гогло», что созвучно названию «гогули». Но общий принцип наименования, лежащий в основе этнонимов «гольды» и «гогули», не может служить показателем их этнической общности.

Ниже дючеров по Амуру жили предки современных нанайцев и ульчей, которых казаки называли натками (нгатками), ачанами, гольдиками, лонками. Самостоятельными народами они не воспринимались, но диалектные и культурные различия между ними были очевидны уже тогда. По этой причине казаки разделяли их на две группы — верхние нгатки (современные нанайцы) и нижние (современные ульчи). Общая их численность составляла около 3,5 тыс. чел. О том, что в лице нгатков мы имеем дело с предками современных нанайцев и ульчей, свидетельствуют

названия их поселений в XVII в., многие из которых соответствуют современным селениям этих народов: Болинский — Болонь, Чежурский — Джари, Мангулинский — Монгол и др.

Онуфрий Степанов включал всех натков в число дючеров. Поярков к дючерам относил только верхних натков. Б.П. Полевой вообще отождествлял дючеров с нанайцами [21]. В таком отождествлении, безусловно, есть смысл. Вместе с тем безоговорочное признание их этнического единства не столь уж однозначно. Во всяком случае, сами нанайцы так не считали. По данным А.Н. Липского, всех живущих выше по Амуру они называли «дюсэрай» (дючеры) и «маньчжурай» (маньчжуры). Эти названия воспринимались нанайцами как синонимы, следовательно, дючеров и маньчжуров они считали одним народом, однако себя к ним не причисляли.

Здесь следует учитывать одно важное обстоятельство. Свидетельство Липского относится к началу XX в., когда этногенез нанайцев в основном завершился, и они уже достаточно чётко отличали себя от маньчжуров. Как воспринимали предки нанайцев (натки) своих верхнеамурских соседей (дючеров) в XVII в., мы не знаем. Судя по тому, что Степанов не выделял их в качестве самостоятельного народа, а считал дючерами, это были действительно очень близкие этнические группы. Близкие, но не идентичные. Главное различие между ними заключалось в их хозяйственной специализации. Дючеры были земледельцами, натки — рыбаками и охотниками. Уже в силу этого обстоятельства организация жизненного пространства у них была принципиально разной, и перед этой разностью отступала на задний план их языковая и, возможно, генетическая близость.

Переселение в середине XVII в. дючерского населения вглубь Маньчжурии во многом определило направление будущих этнических процессов в бассейне Амура. С этого времени исчезает упоминание о дючерах. Будучи частью маньчжурского этноса, они растворились в его среде. Останься они на Амуре, их историческая судьба могла бы сложиться иначе, по-другому могло бы пойти и развитие натков-нанайцев. Более развитые в хозяйственно-культурном отношении этносы с производящим хозяйством обладают и большей ассимилятивной способностью [5, с. 72]. На Амуре такими были дючеры. Со временем натки могли раствориться в их среде. Тем более что с дючерами (равно как и с маньчжурами) их роднит не только язык. У них общее историческое прошлое, общие предки, причём не только чжурчжэни, но и более отдалённые по времени сущэни и мохэ.

В русских документах середины XVII в. упоминается имя одного из руководителей дючеров — Жакшур. Б.П. Полевой совершенно справедливо усматривал в нём название известного нанайского рода Заксор. На этом основании он делал вывод, что уже в XVII в. этот нанайский род входил в состав дючеров [21, с. 49]. Однако возможен и другой взгляд на проблему. Из того, что мы знаем о нанайцах-заксорах, логичнее предположить, что и у дючеров — жакшуров, и у нанайцев — заксоров, скорее всего, были общие предки, но дальнейшее их развитие шло самостоятельно.

Об их общем прошлом могут свидетельствовать мифологические сюжеты, распространённые у нанайцев. В одном из них герой Хадау убивает два солнца из трёх и тем самым спасает людей от нестерпимого пекла. При этом образ Хадау прямо соотносят с нанайским родом Заксор, у которого особенно отчётливо прослеживаются элементы, связанные с сушэнями.

В первые века нашей эры сушэни занимали обширную территорию, северная граница которой проходила по р. Сунгари. В числе ближайших северо-восточных соседей сушэней в китайских географических трактатах «Шань хай цзин» и «Хуайнаньцзы» упоминается «черноногий» народ, в котором исследователи усматривают предков современных нанайцев [14, с. 29]. Такое утверждение, на наш взгляд, требует уточнения. Речь может идти не о предках всех нанайцев, а лишь о той их части, которые позднее стали известны как жакшуры-заксоры.

В родовых преданиях Заксоров упоминаются *зангины* — выдающиеся по дарованиям, уму и красноречию личности, исполнявшие роль судей не только среди нанайцев, но и их соседей. Л.Я. Штернберг пишет по этому поводу: «Нормы права, практикуемые ими (зангинами. — В.Т.), свидетельствуют о более высоком уровне культуры и больших культурных связях, чем те, которые можно наблюдать у гольдов» [27, с. 472—473]. Нормы эти несли на себе отпечаток государственности, характерной для западных соседей нанайцев — бохайцев, киданей, чжурчжэней, монголов.

Есть и другие свидетельства общей истории предков нанайцев с народами, входившими в состав средневековых государств Дальнего Востока. Известно, например, что некоторые нанайские роды занимались в далёком прошлом коневодством. Родовые предания нанайцев Бельды свидетельствуют, что их далёкие предки жили в своё время в верховьях Амура. На Амур они пришли с Сунгари [13, с. 21—22]. Не исключено, впрочем, что это перемещение произошло в XVIII в., когда дючеров уже не было на Амуре.

Со времён Л.Я. Штернберга этническую сущность нанайцев принято рассматривать как конгломерат родов самого различного происхождения. Нет сомнения, что одной из составляющей этого конгломерата были и дючеры. Натки, ачаны, гольдики, лонки — не просто разные названия одного народа, но и реальные этнокультурные группы со своей историей, языковой и этнической индивидуальностью, особенностями их восприятия соседями.

Численность коренного населения Албазинского уезда после переселения дауров и дючеров сократилась на две трети. С их исчезновением исчезла и экономическая составляющая русского присутствия на Амуре. Если в 1655 г. О. Степанов собрал с дючеров 1370 соболей, то в следующем году собирать уже было не с кого. Одновременно перестало существовать даурско-дючерское земледелие, снабжавшее казаков хлебом. Три последних года пребывания Степанова на Амуре были посвящены в основном поиску хлеба, его приходилось добывать силой оружия. В условиях обострения конфликтов с аборигенами трудно было

надеяться на успех в борьбе с Цинским Китаем. В своих отношениях с местным населением он оказался намного дальновиднее.

Исчезновение дауро-дючерского населения во многом определило направление последующих этнических процессов в регионе. Приамурье, свободное от русской, а в значительной степени и цинской власти, представлялось соседям весьма привлекательной территорией. С севера, запада и востока началось постепенное продвижение сюда тунгусов. При этом оленеводы оседали на левобережье Амура, где имелись условия для содержания оленей, охотские «пешие тунгусы» проникли на побережье Японского моря. Об этом свидетельствует в частности топонимика. Так, например, в районе Тауя имеется река Нахтача, на побережье Японского моря — река Нахтаэ (Кабанья). И в том, и в другом случае эти гидронимы связаны с тунгусами Нахтагирского рода. Русские впервые познакомились с ними в XVII в. на р. Урак. Тунгусские роды Донкан, Юкаминкан, обитавшие в Забайкалье, заселили бассейны р. Кур и Урми. Долину Горина осваивали дилкагиры и четелкогиры, жившие до этого на Бурее. В районе озера Болонь оказались тунгусы-эдженьцы, обитавшие в XVII в. на Алдане.

Перемещения тунгусов в новую этническую среду стали причиной образования сложных по составу этносов Нижнего Амура. Оказавшись на Амуре, значительная часть тунгусов была со временем ассимилирована нанайцами, чей оседлый образ жизни обладал большим ассимилятивным потенциалом. Не вызывает сомнений, в частности, эвенкийское происхождение нанайцев-самаров. Эвенки-самагиры известны в различных районах Восточной Сибири. Эвенкийское происхождение имеет известный среди нанайцев род Киленов. В настоящее время их потомки носят фамилии Киле, Киля, Кили. Роды тунгусского происхождения зафиксированы у ульчей.

Уход русских из Приамурья во многом определил судьбу манегров и бираров, которые в XVII в. составляли здесь основу тунгусского населения. Б.О. Долгих определял их численность в XVII в. в 1200—1300 чел. [9, с. 612]. Манегры (манегиры, манагир, манягир) представляли собой территориальную группу конных эвенков. Их кочевья располагались к западу от р. Гиллой, по Зее, Селемдже, Наре, Тыгде. После Нерчинского договора они считались маньчжурскими подданными, часть их переселилась на правый берег Амура, оставшиеся со временем растворились среди других тунгусских групп. Отдельные семьи манегров встречались позднее в бассейне р. Уды. С отдалёнными их потомками, помнящими о своём манегрском происхождении, нам довелось встречаться в с. Удском в 2004 г.

Бирары (бирар, бирарчен), или «речные люди», в XVII в. обитали в бассейне р. Буреи и по другим левым притокам среднего Амура, а также в верховьях Зеи, Селемджи и охотской Уды. В. Поярков характеризовал бираров как оленных тунгусов, однако часть их была и коневодами. Об этом в 1681 г. сообщал казак Игнат Милованов, который жаловался якутскому воеводе, что собрать с бираров ясак малыми силами «невозможно». В XVII в. часть бираров находилась в даннических отношениях с маньчжурским правительством Китая и даже была включена в его военную

организацию. После ухода русских из Приамурья все русские сообщения характеризуют бираров как китайских тунгусов.

Таким образом, формирование российско-китайского пограничья в XVII в. превращение его в буферную зону двух государств, свободную от власти как русской, так и маньчжурской администрации, привело к серьёзным изменениям этнокультурной ситуации в регионе. Перемены коснулись как общей численности коренного населения территории, её этнического состава, так и хозяйственно-культурной специализации. Исчезновение земледельческого даурско-дючерского населения превратило Приамурье в регион с господством присваивающего хозяйства, что не могло не затормозить его экономическое развитие. Изменились направления этнических процессов, соотношение отдельных этнографических и локальных групп, их взаимоотношения внутри этнических сообществ, ускорилась ассимиляция. Дополнительный импульс получили миграционные процессы с сопредельных территорий, преобладающей формой которых во всех случаях стали семейно-родовые перемещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. 565 с.
2. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII века). Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 272 с.
3. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток, 1999. 336 с.
4. Артемьев А.Р. Очерки по истории и археологии Забайкалья, Приамурья и Аляски (XIII—XIX вв.). Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2019. 345 с.
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
6. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX века. М.: Наука, 1983. 207 с.
7. Болотин Д.П. Происхождение дючеров // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001. С. 154—172
8. Бурькин А.А. Заметки об этнониме «чжурчжэни» и наименовании «чжурчжэньский язык». URL: <http://zaimka.ru/burykin-jurchen-language/> (дата обращения: 01.02.2020).
9. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. М., 1960. 622 с.
10. Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII веке по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 125—142.
11. Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. 572 с.
12. Золоторев А.М. Из истории народов Амура // Исторический журнал. 1937. № 7. С. 27—40.
13. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 326 с.
14. Ларичев В.Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 8—38.
15. Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. 144 с.

16. Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. М., 2012. 321 с.
17. Липская Н.А. Краткий предварительный отчёт о командировке для этнографического изучения нанаев (гольдов) // Советская этнография: сб. ст. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 250—256.
18. Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII веке. Хабаровск, 1987. 512 с.
19. Огородников В.И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII веке. Владивосток, 1927. 91 с.
20. Пан Т.А. Система терминов родства маньчжур // Алгебра родства. Вып. 5. СПб.: Наука, 2000. С. 263—270.
21. Полевой Б.П. Дючерская проблема (По данным русских документов XVII века) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 47—59
22. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. 245 с.
23. Туголуков В.А. Эвенки // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 129—154.
24. Уляницкий Л.Г. Албзин и албзинцы // Записки Приамурского отдела общества востоковедения. Хабаровск, 1912. Вып. 1. С. 63—91.
25. Цыбенев Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.
26. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883. 323 с.
27. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. 739 с.

REFERENCES

1. *Akty istoricheskkiye* [Historical Acts]. Saint Petersburg, 1842, vol. 4, 565 p. (In Russ.)
2. Aleksandrov V.A. *Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII veka)* [Russia at the Far Eastern Borders (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1984, 272 p. (In Russ.)
3. Artem'ev A.R. *Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII—XVIII vv.* [Cities and Fortresses of Transbaikalia and Amur Region in the Second Half of the XVII—XVIII Centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (In Russ.)
4. Artem'ev A.R. *Ocherki po istorii i arkheologii Zabaykal'ya, Priamur'ya i Alyaski (XIII—XIX vv.)* [Essays on the History and Archaeology of Transbaikalia, Amur Region and Alaska (13th—19th Centuries)]. Vladivostok, TIG DVO PAN Publ., 2019, 345 p. (In Russ.)
5. Arutyunov S.A. *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeystviye* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 247 p. (In Russ.)
6. Besprozvannykh E.L. *Priamur'ye v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy. XVII — seredina XIX veka* [Amur Region in the System of Russian-Chinese Relations. 17th — the Middle of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 207 p. (In Russ.)
7. Bolotin D.P. Proiskhozhdeniye dyucherov [Origin of the Duchers]. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [Traditional Culture of the East of Asia]. Iss. 3. Blagoveshchensk, 2001, pp. 154—172. (In Russ.)
8. Burykin A.A. *Zametki ob etnonime "chzhurchzheni" i naimenovanii "chzhurchzhen'skiy yazyk"* [Notes on the Ethnonym "Jurchen" and the Name "Jurchen Language"]. Available at: <http://zaimka.ru/burykin-jurchen-language/> (accessed 01.02.2020). (In Russ.)
9. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennyi sostav narodov Sibiri* [Tribal and Tribal Composition of the Peoples of Siberia]. Moscow, 1960, 622 p. (In Russ.)
10. Dolgikh B.O. *Etnicheskiy sostav i rasseleniye narodov Amura v XVII veke po russkim istochnikam* [The Ethnic Composition and Resettlement of the Peoples of the Amur

- in the 17th Century According to Russian Sources]. *Sbornik statey po istorii Dal'nego Vostoka* [Collection of Articles on the History of the Far East]. Moscow, 1958, pp. 125–142. (In Russ.)
11. *Dopolneniya k aktam istoricheskim* [Additions to Historical Acts]. Saint Petersburg, 1848, vol. 3, 572 p. (In Russ.)
 12. Zolotarev A.M. Iz istorii narodov Amura [From the History of the Peoples of the Amur]. *Istoricheskiy zhurnal*, 1937, no. 7, pp. 27–40. (In Russ.)
 13. *Istoriya i kul'tura nanaytsev. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [History and Culture of the Nanai. Historical and Ethnographic Essays]. Executive editor V.A. Turaev. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003, 326 p. (In Russ.)
 14. Larichev V.E. Narody Dal'nego Vostoka v drevnosti i sredniye veka i ikh rol' v kul'turnoy i politicheskoy istorii Vostochnoy Azii [The Peoples of the Far East in Antiquity and the Middle Ages and Their Role in the Cultural and Political History of East Asia]. *Dal'niy Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [The Far East and Neighboring Territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, 1980, p. 8–38 (In Russ.)
 15. Leont'yeva G.A. *Zemleprokhodets Erofey Pavlovich Khabarov* [The Explorer Erofei Pavlovich Khabarov]. Moscow, 1991, 144 p. (In Russ.)
 16. Leont'yeva G.A. *Sluzhilye lyudi v Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XVII – pervoy chetverti XVIII v.* [Service People in Eastern Siberia in the Second Half of the 17th – the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, 2012, 321 p. (In Russ.)
 17. Lipskaya N.A. Kratkiy predvaritel'nyy otchet o komandirovke dlya etnograficheskogo izucheniya nanayev (gol'dov) [A Brief Preliminary Report on a Business Trip for the Ethnographic Study of Nanaev (Golds)]. *Sovetskaya etnografiya: sb. st.* [Soviet Ethnography: Collection of Articles]. Moscow, Leningrad, 1940, iss. 3, pp. 250–256. (In Russ.)
 18. Myasnikov V.S. *Imperiya Tsin i russkoye gosudarstvo v XVII veke* [The Qing Empire and the Russian State in the 17th Century]. Khabarovsk, 1987, 512 p. (In Russ.)
 19. Ogorodnikov V.I. *Tuzemnoye i russkoye zemledeliye na Amure v XVII veke* [Native and Russian Agriculture on the Amur River in the 17th Century]. Vladivostok, 1927, 91 p. (In Russ.)
 20. Pan T.A. Sistema terminov rodstva man'chzhur [The System of Kinship Terms Manchurian]. *Algebra rodstva* [Algebra of kinship]. Iss. 5. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 263–270. (In Russ.)
 21. Polevoy B.P. Dyucherskaya problema (Po dannym russkikh dokumentov XVII veka) [Dyuchersky Problem (According to Russian Documents of the 17th Century)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1979, no. 3, pp. 47–59. (In Russ.)
 22. Smolyak A.V. *Traditsionnoye khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sakhalina* [Traditional Economy and Material Culture of the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 245 p. (In Russ.)
 23. Tugolukov V.A. Evenki [Evenki]. *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic History of the Peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 129–154. (In Russ.)
 24. Ul'yanitskiy L.G. Albazin i albazintsy [Albzin and Albazinians]. *Zapiski Priamurskogo otdela obshchestva vostokovedeniya* [Notes of the Amur Department of the Society of Oriental Studies]. Khabarovsk, 1912, iss. 1, pp. 63–91. (In Russ.)
 25. Tsybenov B.D. *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [The History and Culture of the Daur of China. Historical and Ethnographic Essays]. Ulan-Ude, VSGUTU Publ., 2012, 252 p. (In Russ.)
 26. Shrenk L.I. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya* [About the Foreigners of the Amur Territory]. Vol. 1. Saint Petersburg, 1883, 323 p. (In Russ.)
 27. Shternberg L.Ya. *Gilyaki, orocho, gol'dy, negidal'tsy, ayuny* [Gilyaki, Oroch, Gold, Negidal, Ainu]. Khabarovsk, 1933, 739 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 03.02.2020